

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.2>

Дубровская Светлана Анатольевна

СМЕХОВОЕ СЛОВО В КАРНАВАЛИЗОВАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПИСТОЛЯРИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматриваются вопросы функционирования смехового слова в эпистолярии Н. В. Гоголя. Определяется значение бахтинской концепции смехового слова для понимания природы комического в творчестве писателя. В ходе исследования автор статьи показывает, что в письмах Н. В. Гоголя большую роль играют карнавальные сферы речи - фамильярные формы, непристойности, ласковая брань, словесная комика. Особая смеховая энергия отдельных сюжетов гоголевских писем связана с карнавальным мироощущением писателя и его стремлением выявлять в повседневном смеховые смыслы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-6

Дата поступления рукописи: 27.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.2>

В статье рассматриваются вопросы функционирования смехового слова в эпистолярной Н. В. Гоголя. Определяется значение бахтинской концепции смехового слова для понимания природы комического в творчестве писателя. В ходе исследования автор статьи показывает, что в письмах Н. В. Гоголя большую роль играют карнавальные сферы речи – фамильярные формы, непристойности, ласковая брань, словесная комика. Особая смеховая энергия отдельных сюжетов гоголевских писем связана с карнавальным мироощущением писателя и его стремлением выявлять в повседневном смеховые смыслы.

Ключевые слова и фразы: Н. В. Гоголь; М. М. Бахтин; смех; смеховое слово; карнавальная традиция; карнавализация; письма.

Дубровская Светлана Анатольевна, к. филол. н., доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, г. Саранск
s.dubrovskaya@bk.ru

СМЕХОВОЕ СЛОВО В КАРНАВАЛИЗОВАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПИСТОЛЯРИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00341 А.

Исследование различных форм гоголевского комизма имеет свою историю (от откликов и критических высказываний А. С. Пушкина, В. Г. Белинского и Ф. М. Достоевского до монографического изучения в XXI столетии [6; 8; 9; 14]). Концепция «смехового слова» М. М. Бахтина открыла новые возможности в изучении природы комического в творчестве Н. В. Гоголя. «Природа веселого смехового слова, – отмечает ученый в работе “К вопросам теории романа” (нач. 1941), – глубоко своеобразна: оно по-особому относится как к своему автору (говорящему), так и к своему предмету; оно по-особому ощущает и свой контекст; особое отношение его к общему языку и к речевым нормам. Оно разрывает пути глубинного и безличного языкового мировоззрения» [3, т. 3, с. 571]. Обозначим основные пункты развития бахтинской концепции. Проблема гоголевского смеха и в целом комического в творчестве Н. В. Гоголя привлекает внимание М. М. Бахтина в течение всей научной жизни. Доминантным контекстом для исследования смеха Гоголя стало творчество французского писателя эпохи Возрождения Франсуа Рабле. Бахтин рассматривает стихию комического Гоголя как типологически сходную со смехом Рабле. Генезис смеха Гоголя, как и смеха Рабле, по убеждению ученого, – в формах и жанрах народной смеховой культуры.

Впервые имена Рабле и Гоголя сходятся именно в контексте размышлений ученого о проявлении традиции раблезианского смеха в европейской литературе («Форма времени и хронотопа в романе» (вторая половина 1930-х гг.)). Бахтин не просто подчеркивает неослабевшую (как в европейской литературе) связь гоголевского смеха с фольклором, но встраивает творчество Гоголя в раблезианскую традицию. В рукописи «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940) исследователь проецирует основные идеи книги на творчество Гоголя, а на заключительных страницах намечает научный сюжет «Рабле и Гоголь» [Там же, т. 4, ч. 1, с. 501-505]. В диссертации «Рабле в истории реализма» (1946) М. М. Бахтин дает теоретическое обоснование проблемы (своего рода план-проспект) с проекцией на типологически близкие Рабле, хотя и исторически удаленные художественные произведения, с выделением «смеховой (карнавальной) линии в русской литературе» [Там же, т. 5, с. 376].

Основные выводы сконцентрированы в статье «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Гоголевское искусство словесного выражения комического Бахтин напрямую связывает с народной смеховой культурой, во многом повлиявшей на литературное сознание и мировоззрение писателя. Уточняя формулировку «смехового слова», ученый специально обозначает особенности характера его функционирования: «Смеховое слово организуется у Гоголя так, что целью его выступает не простое указание на отдельные отрицательные явления, а **вскрытие особого аспекта мира как целого.**

В этом смысле зона смеха у Гоголя становится **зоной контакта.** Тут объединяется противоречащее и несовместимое, оживает как **связь**» [Там же, т. 4, ч. 2, с. 519] (выделено М. М. Бахтиным. – С. Д.). М. М. Бахтин рассматривает творчество Гоголя как самое значительное явление смеховой литературы нового времени, подчеркивая, что смеховое слово писателя имеет универсальный характер [13].

В диалоге с М. М. Бахтиным к этому вопросу обращались Ю. Лотман [10], Ю. Манн [12], С. Аверинцев [1]. Эта проблема так или иначе затрагивалась в статьях и монографиях, посвященных творчеству Н. В. Гоголя [2, с. 111-128; 7].

Опираясь на контекст употребления Бахтиным этого понятия, «смеховое слово» можно определить как слово, порожденное смехом и одновременно порождающее смех. Генетическим истоком смехового слова является карнавальный смех, амбивалентный и универсальный. Важно отметить, что смеховое слово, по Бахтину, всегда акцентирует положительный, веселый полюс смеха. Смеховое слово не только восстанавливает утраченную в литературе нового времени амбивалентность смеха, но и меняет языковой масштаб текста за счет подключения карнавальной точки зрения.

В достаточно объемном эпистолярном наследии Н. В. Гоголя можно выделить несколько сюжетов, обретающих смысловую полноту при рассмотрении их в рамках карнавальной поэтики. Примечательно, что уже современники отмечали связь гоголевского комизма и карнавальной традиции. Так, автор воспоминаний о Гоголе середины 1830-х гг., подчеркивая его способность вызывать в слушателях «неудержимый смех», «истерический хохот», смешить «до упаду», специально оговаривает характер комического в рассказываемых писателем «скабрёзных анекдотах»: «...рассказы эти отличались не столько эротическою чувствительностью, сколько *комизмом во вкусе Раблэ. Это было малороссийское сало, посыпанное крупною аристофановскою солью*» [4, с. 525] (здесь и далее курсив наш. – С. Д.).

Чуткий к языку, Гоголь откликается на необычные слова, слышит их комическое звучание [11, с. 214], в материалах для объяснительного словаря русского языка отмечает «меткость» и «разум» русского слова [5, т. 9, с. 441]. Слово и смех объединяются в сознании Гоголя в срезе национальной аутентичности (см., например, письма М. А. Максимовичу о важности национальных истоков для сохранения душевного равновесия и творчества [Там же, т. 10, с. 336, 356-357]). Проблема «писатель и смех» (комический писатель) затрагивается в «Театральном разрезе после представления новой комедии» и «Мертвых душах». Смех и веселость приравниваются писателем к творческому вдохновению (см., например, письмо к Жуковскому от 12 ноября 1836 [Там же, т. 11, с. 74]), целенаправленность комического становится для Гоголя фактором, проясняющим логику его творческого развития («Авторская исповедь»). Таким образом, смех и смеховое слово находятся в центре интересов писателя, начиная от самых ранних осмыслений, прозвучавших в письмах Гоголя-лицеиста, до «Авторской исповеди».

Прежде всего, отметим, что уже в письмах к матери (вторая половина 1820-х гг.) Гоголь через выстраивание оппозиции (угрюмый – радостный, холодный – веселый, сентиментально мечтательный – ищущий веселой, счастливой жизни) стремится подчеркнуть игровую природу своего поведения: в самооценках выделена смеховая составляющая характера, Гоголь презентует себя как человека, который «на самом деле» смеется над всеми, не исключая себя: «...когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, *я разгадывал науку веселой, счастливой жизни...*» [Там же, т. 10, с. 83]. В другом письме к матери Гоголь, опровергая ложное о себе мнение как о своенравном, «несносном педанте», «думающем, что он умнее всех», отмечает: «...я *внутренне сам смеялся над собою вместе с вами*» [Там же, с. 122]. Выделенная Гоголем театрализация усиливается самооценкой, подчёркивающей, что его поведение – это сознательная игра и одновременно предмет осмеяния.

В переписке Гоголь абсолютно зависит от обсуждаемой темы и адресата: смеховое слово звучит в самоосмеивающих авторских характеристиках, рождается в ситуации неофициального общения, возникает в карнавализованных описаниях творческого процесса, усиливает диалогичность литературно-критических оценок. Стилистическая неоднородность, присущая эпистолярному жанру, позволяла, экспериментируя со словом, создавать комический дискурс.

Театральность и карнавальный характер коммуникации проявляются в нежинских письмах, адресованных Г. И. Высоцкому. При этом представление обыденной гимназической жизни в жанрах анекдота или комической сценки обрамляется лирическими пассажами, и подобное «столкновение» акцентирует остроту смехового. Описание «мертвого усыпления» или «горького заточения» нежинской жизни сменяется портретами «одноборщников» [Там же, с. 279], названных исключительно по прозвищам. Характерный пример – карнавализованное описание (побой как перерождение) с обыгрыванием дворянского титула и прозвища: «Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик... уже подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, *отеческою рукою расписал ему задний фасад, в числе 150 ударов, и он, барончик Хопцики, обновленный явился у нас снова, празднуя свое перерождение*» [Там же, с. 100].

Подчеркнем, что тема побоев и брани развивается в переписке исключительно в карнавальном ключе: о брани и побоях говорится как о части дружеских отношений, им придается праздничный характер. «Как бы то ни было, – завершает Гоголь письмо к М. П. Погодину, – только жажду видеть тебя и *побраниться с тобою лицом к лицу*» [Там же, с. 308]. Еще более очевидно карнавализованное письмо к В. В. Тарновскому: «Да, пожалуйста, скажи, если будешь в Киеве, Максимовичу, который там профессор словесности, что я *просто приеду и поколочу его на все боки*» [Там же, с. 335]. Позже (вторая половина 1830-х), в письме к А. С. Данилевскому, Гоголь прямо подчеркивает невозможность фамильярного общения с кем-то чуждым по духу: «*По мне поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его*» [Там же, т. 11, с. 149].

Отдельно можно выделить карнавализованный микросюжет (подбадривание себя и адресата), который проходит через всю переписку Гоголя. В письме Н. Я. Прокоповичу, иронизируя, подбадривая своего приятеля, Гоголь рисует картину их жизни в Васильевке, «в простонародьи зовому Яновщина» [Там же, т. 10, с. 235]. При этом от натуралистических деталей («варварский нос твой... прошибет запах настоящей деревни») через очевидное снижение («ты будешь совершенный лошадиный помет, если всё это не подействует на твою вялую душу») Гоголь подходит к созданию абсолютно карнавализованной картины, с ее логикой «непрестанных перемещений верха и низа» [3, т. 4, ч. 2, с. 20]: «Тогда можно будет решительно сказать, что *весь мозг из головы твоей перешел в ту неблагоприятную часть тела, которою мы имеем обыкновение садиться на стуле и даже на судне, а всё содержимое в этой непозволительной и мало употребляемой в разговоре части поднялось в голову*» [5, т. 10, с. 235].

Постоянное балансирование на эмоциональной границе (грусть, уныние – радость, веселье) подталкивает Гоголя к попытке развеселить себя, найти смешное в обыкновенном и повседневном: «Но неужели мы

должны век серьезничать, – обращается он к Г. И. Высоцкому, – и отчего же изредка не быть творителями пустяков, когда ими пестрит жизнь наша?» [Там же, с. 100-101]. В связи с этим отметим характерное для Гоголя стремление ощутить карнавальные истоки и смыслы произнесенного слова: фамильярный диалог с адресатом, полный словесной комикой, включающей образы материально-телесного низа представлен в письме В. В. Тарновскому: «*Имеешь ли хороший аппетит, и чем именно более всего обжираться, арбузами или дынями, или грушами? <...> И какой урыльник обыкновенно употребляешь, фаянсовый или медный?*» [Там же, с. 336]. Образы материально-телесного низа возникают и при описании творческого процесса: «Одним словом, – восклицает Гоголь в письме М. П. Погодину, – *умственный запор*. Пожалейте обо мне и пожелайте мне! *Пусть ваше слово будет действительнее клистира*» [Там же, с. 257]. Высокий духовный акт здесь снижается, но карнавальная игра не отрицает высокого творчества: изменяя тональность, переводя содержание в смеховое, Гоголь как бы освобождается от серьезного отношения к себе как к художнику. И этот момент самоосмеяния связан с созданием необходимого настроения для творчества.

Высказанное в письмах 1820-1830-х гг. понимание смеха как веселого, возрождающего и освобождающего в дальнейшем осложняется и обогащается в размышлениях над «Ревизором» и осмыслении смеха как эстетического феномена. Особо нужно сказать о письмах, содержащих критические оценки современной Гоголю литературной ситуации: смеховое слово понимается в них как одно из условий достижения художественной правды и как необходимый элемент, формирующий общественное сознание. Так, в письме к А. С. Пушкину, созданном в жанре памфлета, Гоголь подхватывает и развивает тему осмеяния Ф. Булгарина, обыгранную в пушкинском памфлете «Горжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов». Представленный в письме «разбор» имеет развенчивающий характер: эпитеты, характеризующие особенности байроновского направления, в проекции на творчество Булгарина звучат иронически, и сама проекция обнажает невозможность подобного сравнения: «...ведь эта мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном. Та же гордость, та же буря сильных, непокорных страстей, резко означившая огненный и вместе мрачный характер британского поэта, видна и на нашем соотечественнике; то же самоотвержение, презрение всего низкого и подлого принадлежит им обоим» [Там же, с. 204-205]. Ироническая интонация, предполагаемые обращения к читателю включают в круг осмеяния не только гг. Булгарина и Орлова, но и современных Гоголю критиков и журналистов. Прозрачен в «разборе» и элемент обратности, свойственный карнавальному увенчанию-развенчанию, связанный с карнавальной природой гоголевской иронии.

В смеховой стилистике продолжается обсуждение вопросов литературной жизни в письме к М. П. Погодину. Отвечая на просьбу М. И. Погодина делиться своими соображениями по поводу завершённой им исторической драмы, Гоголь пишет «примечание», используя смеховые краски и создавая карнавализованные образы. Важнейшей особенностью этого «примечания» становится требование обязательного включения смеховых сцен и образов. Писатель не только советует, но и намечает контуры возможного введения комических эпизодов в драму: «...*нарядите попа во фрак... обрейте ему бороду и введите его в собрание или толкните меж дам... клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее: каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать*» [Там же, с. 256]. Гоголь предлагает создать подчеркнуто карнавальную ситуацию: каждое слово и действие попа во фраке становится смеховым, передает пафос смен и обновлений России времен петровских реформ. Таким образом, создать картины живой жизни возможно, по Гоголю, исключительно с помощью смеха, при введении смеховых сцен, расставлении смеховых акцентов.

Другое письмо к М. И. Погодину начинается с восклицания, в котором абсолютно узнаваем голос Рудого Панька: «Эге, ге, ге ге!.. Уже 1834-го захлебнуло полмесьца!». Возникающая интонация настроивает на восприятие карнавализованного образа судьбы: «...желания наши гроша не стоят. *Мне кажется, что судьба больше ничего не делает с ними, как только подтирается, когда ходит в нужник*» [Там же, с. 292]. Смеховая интонация сохраняется и в описании конкретной литературной ситуации, против которой выступает Гоголь: история обретает вид анекдота, близкого к наброску «юмористического рассказа» с выписанными реальными участниками (О. Сенковский, А. Смирдин, Ф. Булгарин) и персонажами явно литературного происхождения («один лейб-гвардии Кирасирского полка офицер» [Там же, с. 292-293]). Смысловую полноту литературно-критическим оценкам придает карнавальный контекст, проявляющийся во многом благодаря избранной интонации.

Нельзя не сказать и об убеждении Гоголя, высказанном им в письме к М. И. Погодину при обсуждении предстоящего издания журнала «Московский наблюдатель». Подчеркивая необходимость включения смеховых произведений не только в специальный раздел, но и «*везде недурно нашпиговать им листки*» [Там же, с. 341], Гоголь, по сути, говорит о смеховой стратегии журнала.

Таким образом, эпистолярный Н. В. Гоголя дает богатый материал для изучения его творческой лаборатории. В письмах большую роль играют карнавальные сферы речи: фамильярные формы, непристойности, ласковая брань, бесцельная словесная комика (игра словами, пословицами, поговорками). Прозаик экспериментирует практически со всеми малыми жанрами: он создает письма в жанре анекдота, сценки, комического диалога, активно включает сюжеты карнавального плана, с привлечением всей атрибутики, характеризующей карнавал. Особая смеховая энергия отдельных сюжетов гоголевских писем связана с карнавальным мироощущением писателя, карнализацией повествования, важнейшую роль в которой играет смеховое слово.

Переписка Гоголя, кроме того, позволяет проследить развитие его отношения к комическому и смеху: от стремления охарактеризовать свою натуру в смеховой «терминологии» и желания придать повседневно-сти карнавальные смыслы до объяснения жизненной важности и необходимости веселья, до восприятия смеха как одного из важнейших условий достижения художественной правды и необходимого элемента, формирующего общественное сознание, до попыток построения философии смеха.

Список источников

1. **Аверинцев С. С.** Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин: pro et contra: в 2-х т. / сост., вступ. ст. и коммент. К. Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2001. Т. I. С. 468-483.
2. **Асанина М. Ю., Дубровская С. А., Осовский О. Е.** Проблема смеха и «смехового слова» в отечественном литературоведении последних десятилетий // М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск: Красный Октябрь, 2006. Вып. II-III. С. 111-128.
3. **Бахтин М. М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / ИМЛИ им. А. М. Горького РАН. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1997. Т. 5. 732 с.; 2008. Т. 4. Ч. 1. 1120 с.; 2010. Т. 4. Ч. 2. 752 с.; 2012. Т. 3. 880 с.
4. **Вересаев В. В.** Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников: с иллюстрациями на отдельных листах. М. – Л.: Academia, 1933. 529 с.
5. **Гоголь Н. В.** Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М. – Л.: АН СССР, 1940. Т. 10. 540 с.; 1952. Т. 9. 684 с.; 1952. Т. 11. 484 с.
6. **Гольденберг А. Х.** Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 232 с.
7. **Дубровская С. А.** «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940-1980-х гг. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 6. С. 62-71.
8. **Иваницкий А. И.** Гоголь. Морфология земли и власти. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 188 с.
9. **Кривонос В. Ш.** Гоголь: проблемы творчества и интерпретации. Самара: СПГУ, 2009. 420 с.
10. **Лотман Ю. М.** Гоголь и соотношение «смеховой культуры» с комическим и серьезным в русской национальной традиции // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Вып. I (5). С. 131-133.
11. **Манн Ю. В.** Гоголь. Завершение пути: 1845-1852. М.: Аспект Пресс, 2009. 304 с.
12. **Манн Ю. В.** Поэтика Гоголя. М.: Худож. лит., 1978. 398 с.
13. **Осовский О. Е., Дубровская С. А.** Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930-1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 163-167.
14. **Шульц С. А.** Поэма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты. СПб.: Алетейя, 2017. 288 с.

LAUGHABLE WORD IN THE CARNIVALIZED SPACE OF N. V. GOGOL'S EPISTOLARY HERITAGE

Dubrovskaya Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
s.dubrovskaya@bk.ru

The article examines the problems of laughable word functioning in N. V. Gogol's epistolary heritage. The paper establishes the importance of Bakhtin's conception of a laughable word for understanding the nature of comical in the writer's creative work. The author shows that in N. V. Gogol's letters the carnival spheres of speech – familiar forms, obscenities, mild rebuke, verbal comical – are the key ones. The special laughing energy of certain stories of Gogol's letters is associated with the writer's carnival world perception and his aspiration to identify laughing elements in everyday life.

Key words and phrases: N. V. Gogol; M. M. Bakhtin; laughter; laughable word; carnival tradition; carnivalization; letters.

УДК 8; 821.161.1

Дата поступления рукописи: 12.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.3>

Целью данной статьи является практическое применение интермедиальных разработок отечественных и зарубежных учёных в области литературы и культуры на примере повести А. П. Чехова «Три года» (1895). В работе основное внимание уделяется интермедиальному методу анализа текста. Актуальность работы обусловлена растущим интересом к медиатеориям и синтезу различных видов искусства. В работе делается попытка показать, как визуально маркированные зоны, так называемые визуальные аттракторы, в контексте интермедиальной поэтики выступают носителями актуальных и потенциально новых смыслов.

Ключевые слова и фразы: русская литература; Чехов; поэтика; дискурс; интермедиальность; импрессионизм; экфрасис.

Игнатенко Александр Владимирович
Российский университет дружбы народов, г. Москва
ocean.alex@mail.ru

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «ТРИ ГОДА»

Термин «интермедиальность» введён в науку в 1983 г. О. А. Ханзен-Лёве [5], и к настоящему времени разработано несколько интермедиальных типологий, среди которых «литературно-живописная» классификация, предложенная им же на материале русского авангарда. Однако терминологический поиск продолжается. В рамках типологии интермедиальных корреляций происходит перенос мотивов из одной художественной формы в другую.